

Жанат

Салханова

профессор КазНУ им. аль-Фараби

«ВОСПОМИНАНИЯ О КРАСНОМ СНЕГЕ» ЮРИЯ ЛЕВИТАНСКОГО

Ежегодно майские дни окрашены цветом победы, связанной с 9 мая 1945 года, когда закончилась одна из самых кровопролитных войн в истории человечества. Тема победы – с одной стороны, традиционная, а с другой – подверженная переакцентировке в зависимости от реалий сегодняшнего дня, исторической конъюнктуры. Идеологические и мировоззренческие формирующие аспекты этого события имеют огромный воздействующий потенциал на целевую аудиторию, которая состоит не только из научной общественности и интеллигенции в целом, но также патриотически ориентированной молодежи, потомков участников той войны. Категория «победа» в обиходе имеет исключительно положительные коннотации, несмотря на то, что включена в конфликтно соревновательное семантическое поле. Но если, например, в ситуациях житейского плана это понятие однозначно, то, как итог политического международного конфликта, – многослойно и зачастую противоречиво. Победа же на расстоянии семидесяти лет не может не охватывать весь путь, пройденный странами-участницами Второй мировой войны, не учитывать пролонгированных последствий глобального международного конфликта, аспектов его восприятия и сложности построения социальных и межличностных отношений в новых условиях.

Размышляя о войне как исторической категории, И.Эренбург в 1943 году заметил, что «...война сложна, темна и густа, как непроходимый лес. Она не похожа на ее описания, она и проще и сложнее. Ее чувствуют, но не всегда понимают ее участники. Ее понимают, но не всегда чувствуют позднейшие исследователи» [1, 36]. Подтверждением этих слов является непреходящий интерес к этой теме и неоднозначная трактовка событий военного времени. В исторической науке последних лет публикуются новые факты, посредством которых исследователи пытаются разрешить спорные вопросы в осмыслении войны. «День победы или день Поминовения?» – так сформулировал основной вопрос В.Астафьев [2, 140]. На фоне устоявшихся научных представлений о войнах XX века современные исследовательские и творческие поиски опираются на несхожие методологические платформы и имеют столь же различные объекты внимания. Трактовки войны сейчас многообразны и становятся все более вольными. Некоторые из них отмечены постмодернистским пародийным модусом, иные смещаются в жанр фэнтези как возможности проявить экзистенциальную позицию писателя, не

имеющего непосредственного батального опыта. И в ситуации подобного рода «переакцентировки» мы вновь обращаемся к свидетельствам очевидцев, запечатленным в прозе и поэзии, вчитываемся в строки, наполненные истинными переживаниями.

Потрясения войны родили целое поколение молодых поэтов, которое назвали фронтовым, после войны имена их стали широко известны: Сергей Наровчатов, Михаил Луконин, Михаил Львов, Александр Межиров, Юлия Друнина, Сергей Орлов, Борис Слуцкий, Давид Самойлов, Евгений Винокуров, Константин Ваншенкин, Григорий Поженян, Булат Окуджава, Николай Панченко, Муса Джалиль, Петрусь Бровка и многие другие. Стихи, созданные поэтами-фронтовиками, отмечены знаком суровой правды жизни, правды человеческих чувств и переживаний. Все виды поэтического оружия: и пламенная призывная публицистика, и задушевная лирика солдатского сердца, и едкая сатира, и большие формы лирической и лирико-эпической поэмы – нашли свое выражение в коллективном опыте военных лет. К поколению «обоженных войной» относится и замечательный поэт XX века Юрий Давыдович Левитанский.

Юрий Левитанский, относящийся к поколению поэтов-фронтовиков, через все творчество пронесший военную тему, заметно отличается от представителей «своего поколения» чувством самоуглубленности, внутренней сосредоточенностью в поисках полутонов, нюансов, той одухотворенностью, что свойственна творчеству так называемых «тихих лириков». Основные принципы воплощения героического в произведениях фронтовой тематики, такие как: антиномия войны и мира; принцип изображения войны в настоящем ее выражении – в крови, в страданиях, в смерти; документализм и глубокий психологизм; освещение военных событий через восприятие их участников, проблема нравственного выбора перед лицом опасности; противопоставление истинной, «моральной» храбрости и ложной, «аморальной»; проблема ответственности за судьбы других; провозглашение народа носителем высоких нравственных качеств; страстный пацифизм, – не характеры для лирики Левитанского.

Размышляя о судьбах «своего поколения», поэт понимает, что великая война оказала глубинное и решающее влияние на его личностное восприятие исторического времени, в свете которого все в человеческой жизни, в том числе личная судьба, рост человека как личности, судьба Отечества оказались внутренне связанными с конкретным историческим временем, несущим на себе его глубокий отпечаток. Война не прошла бесследно, но гораздо важнее не внешние, а внутренние следы, оставленные навсегда в памяти поэтов-фронтовиков. Это своеобразный глобальный панисторизм, который определяет развитие личности и формирует мировосприятие. Но он не обладает свойством жесткого детерминизма, фатума или неотвратимого рока, подчиняющих себе человека, делающих его рабом хода истории, исторических обстоятельств.

«Солдатская дорога» Юрия Левитанского началась в ноябре 1941 года, когда он с 3-го курса Литературного института добровольцем ушел на фронт. Он прошел всю войну, участвовал в обороне Москвы, в боях на Орловско-Курской дуге, освобождал от фашистов Украину, Бессарабию, Румынию, Венгрию, Чехословакию, дошел до Праги. Участвовал в войне с Японией на территории Северо-Восточного Китая. Начав войну рядовым, дослужился до лейтенанта, командовал мотострелковым отделением, был корреспондентом дивизионной

газеты. В армейской печати публиковал стихи и очерки. С 1943 года Левитанский печатается в центральных периодических изданиях – в журналах «Смена», «Знамя», «Советский воин», «Огонек», «Сибирские огни», «Дальний Восток» и других. Особое место в творчестве Левитанского занимают первые стихотворения о войне, написанные «в окопах» 1941-1943 годов, в них образы предельно реалистичны, без прикрас описывают солдатские будни, впоследствии цикл стихов «Из старой тетради» был собран именно из этих произведений («Первая кровь», «Мальчики», «Синяя лампочка», «Ледяная баллада», «Рубеж» и др.).

Здесь бытийная природа военных сюжетов определена тем, что человек в них поставлен на границу между жизнью и смертью. Безусловная катастрофичность, близость смерти уничтожает быт, мгновенно превращая его в бытие. Можно сказать, что именно фатальный смысл военного противостояния вносит глубинный масштаб в ситуации, описанные в произведениях: «короткий бой и жизнь коротка», «скоро месяц выйдет, суля беду», «мчатся лошади без людей», «дымное зарево впереди», «а глаза бойца затянуло льдом», «жажда становится невыносимее», «идут облака черные и горбатые», «раскаленное солнце медленно падает». Военные сюжеты предельно реалистичны, динамичны, непредсказуемы, т. к. сама война по природе своей – нарушение времени мира, естественных норм. Развитие военного сюжета, внешне более индивидуальное, казалось бы, апеллирующее к частному, а не закономерному, обнаруживает иную сторону своей темпоральности – «сейчас» осознается как «жизнь», причем не отдельный её фрагмент, а вся её целостность.

Первый сборник стихов, вышедший в Иркутске в 1948 году, получил название «Солдатская дорога». Произведения, вошедшие в сборник, воссоздают традиционные образы Родины, России, солдата, дороги, проникнуты патриотическими чувствами. В дальнейшем, в книгах стихов «Стороны света» (1959), «Земное небо» (1959), «Кинематограф» (1970), «День такой-то» (1976) поэт расширяет тематику произведений, в целом его лирика приобретает философское звучание, но военная тема остается одной из сквозных в его творчестве. Если в сюжетах начала войны, описанных в ранних стихах, чувства поэта окрашены острым ощущением обрыва жизни, нарушения ее размеренного порядка, мгновенной девальвацией житейских ценностей, то теперь эмоциональный ряд становится все более глубоким и сложным. Поэт становится все более задумчивым, углубляясь в свои воспоминания о войне. Левитанский-поэт теперь не рассказывает, как он воевал, не описывает фронтовую жизнь, а стремится понять, как это время воздействовало на его самосознание, внутренний мир («В ожидании дел невиданных...»), «Птицы в Кишиневе», «Как я спал на войне...», «Трубач», «Мое поколение»).

Сборник стихов «Кинематограф»(1970), который критики назвали одним из наиболее цельных в поэзии второй половины XX века заставил говорить о Левитанском как о зрелом художнике. Автор создал книгу, представляющую собой целостный поэтический сборник со своей собственной жанровой системой, сквозными мотивами, общностью интонации, оригинальным версификационным рисунком стиха. Структурно книга объединяет произведения, названные автором «воспоминаниями» («Воспоминанье о красном снеге», «Воспоминанье о костеле», «Воспоминанье о дороге»), «отступлениями» (Тревожное отступление), «снами» («Сон об уходящем поезде», «Сон о забытой роли», «Сон о рояле»), «временем» («Время слепых дождей», «Время улетающих птиц», «Время зим-

них метелей»), «как показать» («Как показать осень», «Как показать зиму», «Как показать весну»). Автор использует кинематографические приемы для создания своеобразного «сценария» жизни, состоящего из отдельных эпизодов, фрагментов, запечатленных в сознании лирического героя. «Жизнь моя – кинематограф, черно-белое кино», – такими словами определит автор мозаику, переданных в стихах мыслей и чувств.

Каждое из стихотворений сборника соответствует жанровому наименованию и представляет собой пространное, богатое описательными деталями произведение элегического типа, строится на перечислительной интонации, объединяющей факты и переживания прошлого в логические аналогии с настоящим, явным или вынесенным за пределы текста выводом. Перечислительная интонация обрывается внезапно, что не обусловлено ни лимитом строфы, ни логической замкнутостью мысли. Мера полноты индукции определяется исключительно авторским представлением о переходе перечисляемого количества в нужное эстетическое качество. Целостность текста обуславливается логической стройностью, собранностью элементов текста вокруг главной мысли произведения.

Военная тема находит своеобразное воплощение в сборнике стихов «Кинематограф». В «Воспоминанье о красном снеге» ветеран-фронтовик лишь пунктирно обозначает тему: «я лежал на снегу», «близко горела деревня», «небо было от этого красным»), для него оказывается гораздо важнее передать воспоминания о «красном» в прошлом мирном времени: «красное поле маков», «красные помидоры», «красные булыжины», «веранда, застекленная красным». Ассоциативный ряд выстраивается таким образом, что символика красного цвета неожиданно приобретает не тревожный смысл, а напротив, мягкий тон воспоминаний о доме, дороге, цветах – том спокойном мире, оставшемся за пределами войны. Автор ясно дает понять, что даже на поле брани важнее всего мысли и чувства, согревающие душу, дающие надежду: «...и было тепло на этом снегу».

Стихи-воспоминания характеризуются не только жанрово-тематической общностью, но и ритмико-интонационным сходством, тождеством графической композиции («столбик») и синтаксического строя. Силлабо-тонический принцип размыт, строки разновелики и разноударны, клаузулы переменны, метрическая доминанта отсутствует. Подобная монострофическая композиция с выраженной повествовательной мелодикой при отсутствии рифмы тяготеет к формуле стих-фраза или проза-стих. В стихах-воспоминаниях такая композиция выглядит эмоционально органичной, логически оправданной. Семантический «ореол» жанра «воспоминаний» находит совпадение с его структурной организацией.

Непреходящий интерес к военной теме в творчестве поэта связан с её гуманистическим потенциалом, который неизбежно проступает во всех военных сюжетах. Это связано с тем, что произведения о войне – литература бытийного напряжения. Онтологическая глубина военных сюжетов открывает читателю не столько новые событийные стороны войны, сколько заставляет задуматься над природой самого человека, побеждающего войну.

Исследователи отмечают, что выраженное личностное восприятие событий и своего места в них, «совестливость» есть неотъемлемая черта лирики Левитанского в целом, она в полной мере отражена и в произведениях о войне: «Все его книги – это «мои мгновения, мои годы, мои сны». Но примечательно то, что он пишет, как бы стесняясь, совестясь, что вынужден писать о себе. Лишь в ис-

ключительных случаях самого высокого лирического самозабвения это чувство уходит, но не навсегда, лишь оттесняясь в глубину души. Эта лирическая нота придает творчеству поэта особый, неповторимый тон» [3, 24].

Одно из самых известных стихотворений Юрия Левитанского о войне называется «Ну, что с того, что я там был?», в нем военная тема приобретает неожиданное звучание, словно чувство неловкости, сомнения сопровождает воспоминания поэта. Эпическая и элегическая интонации взаимодействуют на протяжении всего стихотворения, интонационные «переливы» семантически оправданны, передают некую раздвоенность и противоречивость чувств, способствуют раскрытию сложного душевного состояния лирического героя, для которого война – это подвиг, святое дело, долг и, одновременно, трагедия, кровь, смерть.

Ну, что с того, что я там был?
Я был давно. Я все забыл.
Не помню дней. Не помню дат.
Ни тех форсированных рек.

Я неопознанный солдат.
Я рядовой. Я имярек.
Я меткой пули недолет.
Я лед кровавый в январе.
Я прочно впаян в этот лед –
Я в нем, как мушка в янтаре.

Но что с того, что я там был?
Я все избыл. Я все забыл.
Не помню дней. Не помню дат.
Названий вспомнить не могу.

Я топот загнанных коней.
Я хриплый окрик на бегу.
Я миг непрожитого дня.
Я бой на дальнем рубеже.
Я пламя Вечного огня
И пламя гильзы в блиндаже.

Но что с того, что я там был,
В том грозном быть или не быть.
Я это все почти забыл.
Я это все хочу забыть.
Я не участвую в войне –
Она участвует во мне.
И отблеск Вечного огня
Дрожит на скулах у меня.

Уже меня не исключить
Из этих лет, из той войны.

Уже меня не излечить
 От той зимы, от тех снегов.
 И с той землей, и с той зимой
 Уже меня не разлучить,
 до тех снегов, где вам уже
 Моих следов не различить.

Ну, что с того, что я там был? [4, 349].

Версификационная структура произведения корреспондирует с основными направлениями развития темы, отвечает особенностям содержания. Перед нами вольнострофическая композиция, состоящая из 4-х, 6-ти, 8-ми и одностопных отрезков текста. В 1-ой, 3-ей, 5-ой частях элегичность сопровождается переживаниями лирического героя, направленные как бы внутрь; его желание разобраться в своих ощущениях. Синтаксический рисунок стиха подчеркивает стремление автора приглушить боль воспоминаний, забыть о войне: повторяющаяся частица «не» (не помню, не могу) в сочетании с отрицательно-усилительной «ни» и совершенным видом глагола (был, забыл, избыл), однотипность подчеркнута коротких определенно-личных конструкций, преобладание глагольных форм над другими частями речи. Твердость авторской позиции воплощается в плоти стиха: господство полноударной ямбической формы, сверхсхемных ударений, мужских клаузул.

Во 2-ом, 4-ом, 6-ом строфоиде текста наряду с элегической развивается эпическая интонация, предыдущая мысль словно опровергается, в авторском сознании оживают реальные эпизоды войны, пунктирно обозначающие событийную канву темы. Здесь преобладают номинативные единицы (солдат, рядовой, имярек, пуля, лед, миг, бой, пламя, окрик), клишированные оценочные конструкции (меткая пуля, кровавый лед, загнанные кони, хриплый окрик, непрожитый день, дальний рубеж, Вечный огонь). Меняется и ритмика: неполноударные формы ямба вытесняют полноударную. Ключевая фраза «Я не участвую в войне, она участвует во мне» говорит о том, что для поэта-фронтовика актуальна военная тема не сама по себе, для него важен след, оставленный войной в его душе. Не случайно 2-ая, 4-ая, 6-ая строфоиды заключены в скобки, они передают внутренне состояние лирического героя.

Семантическая неоднородность произведения передается не только «вольностью» строфики, но и через рифмы. Смежный и перекрестный способы рифмовки чередуются, при этом перекрестные рифмы объединяют стихотворные строки разных строф (1-ой и 2-ой, 3-ей и 4-ой), там, где появляются «холостые» стихи и внутренние созвучия (землей-зимой, снегов-следов) восполняют рифменный перебой.

Явная особенность строфической композиции – сквозной лексико-синтаксический параллелизм: повторяющиеся элементы располагаются на разных участках текста, объединяют анафорический, эпифорический, внутренний параллелизм и строятся по принципу кольца. Особое положение личного местоимения «Я» в совокупности со сквозной рифмой «был-забыл» подчеркивает обостренность чувств лирического героя, его очень личностное, субъективное отношение к военной теме. Функция лексико-синтаксического параллелизма

традиционно усилительная, но, что важнее, – она призвана в данном конкретном тексте объединить компоненты содержания и формы, свести в одно целое гамму мыслей и переживаний, вызванных в авторском сознании воспоминаниями о минувшей войне.

Стихотворение Левитанского не похоже на произведения подобной тематики, и сам автор менее всего ассоциируется с человеком в погонах и с оружием в руках. Фронтная тема в поэзии обычно проникнута патриотическим пафосом, воссоздает подвиги, воспевает героев. В нашем примере все не так. Да, война была в судьбе поэта, но гордиться ли он этим фактом? Да, она принесла победу, но какой ценой? Да, миллионы простых солдат отдали свои жизни на поле боя, но разве это не трагедия? Эти и другие вопросы вызывает стихотворение поэта-фронтовика. Поэтому становится понятным, что автор совсем не чувствует себя героем, а хочет забыть все, ведь воспоминания вызывают грусть и сожаление, и неловко говорить об этом: «Ну, что с того, что я там был...».

Юрий Левитанский и много лет спустя оставался противником войны как трагического явления истории вне зависимости от того, где, когда, в какой стране и с какой целью она развязана. Известно, что он потребовал остановить войну в Чечне, получая в 1995 году Государственную премию России. А умер он от сердечного приступа на собрании, обсуждая трагедию этой войны. Так закончилась «солдатская дорога» поэта-фронтовика.

«Отечества поэт, Отечества солдат, равняются понятию – не солгать», так написал о Левитанском в своей антологии русской поэзии Евтушенко, дав своеобразную оценку творчества одного из самых искренних, «совестливых» поэтов XX века [5, 212].

Неравнодушный взгляд поэта на протяжении всей его жизни всегда был исполнен гуманизма, и суть его лирики – это доброта, милосердие, честность и благородство. Своими корнями лирика Левитанского уходит в бытность, обиход, круг привычных житейских забот и радостей, неизменно приводящих к уровню нравственных ценностей, общих для целого поколения, для всех людей. Жить по возможности достойно – вот нравственное кредо поэта, победа над одиночеством, бесприютностью, бессмыслицей бытия даруют человеку духовную свободу и душевное спокойствие. Это и есть итог размышлений поэта, фронтовика, личности о своей судьбе и судьбе своего поколения.

Литература

1. Эренбург И. Летопись мужества. М: Художественная литература. 1974.
2. Астафьев В. Прокляты и убиты. М: Эксмо. 2011.
3. Куллэ В. Поэт личного стыда // Новый мир. 2001. №11.
4. Левитанский Ю. Избранное. М: Художественная литература. 1982.
5. Евтушенко Е. Строфы века. Антология русской поэзии // Минск. 1995.

